

- BLAŽIENÉ, GRASILDA: *Zu den altpreussischen Ortsnamen des Samlandes. Darbu ir dienos* 10(19), 1999, 59–68.
- DAUBARAS, F.: *Prusskaja gidronimija*. Vilnius: Dissertacija na soiskanije učennoj stepeni kandidata filologičeskix nauk 1990.
- FRAENKEL, ERNST: *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, I-II. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht – Heidelberg: Winter 1962–65.
- Kalevala. Karelofinský epos*, překlad Josef Holeček. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění 1953.
- KARULIS, KONSTANTĪNS: *Latviešu etimoloģijas vārdnīca*, I-II. Rīga: Avots 1992.
- MANNHARDT, WILHELM: *Letto-Preussische Götterlehre*. Riga: Hg. von der Lettisch-Literarischen Gesellschaft 1936.
- MAŽIULIS, VYTAUTAS: *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*, I-IV. Vilnius: Mokslas 1988–97.
- PRZYBYTEK, ROZALIA: *Ortsnamen baltischer Herkunft im südlichen Teil Ostpreussens*. Stuttgart: Steiner 1993 (*Hydronymia Europaea*, Vol. 10).
- SKES *Suomen kielen etymologinen sanakirja*, I-VII, ed. Y.H. Toivonen et al. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura 1955n.
- SMOCZYŃSKI, WOJCIECH: *Untersuchungen zum deutschen Lehnwort im Altpreussischen*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego 2000.
- THOMSEN, VILHELM: *Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog*. København: Vidensk. Selsk. Skr., 6. Række, historisk og filosofisk Afd. I.1.
- TOPOROV, VLADIMIR N.: *Prusskij jazyk*, I-V. Moskva: Nauka 1975–90.
- TOPOROV, VLADIMIR N.: *Zametki po baltskoj mifologii*. In: *Balto-slavjanskij sbornik*. Moskva: Nauka 1972, 289–314.
- VANAGAS, ALEKSANDRAS: *Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas*. Vilnius: Mokslas 1981.
- Václav Blažek
blazek@phil.muni.cz

Кравецкий, А. Г. – Плетнева, А. А.: История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX в.). Москва, „Языки русской культуры“, 2001, 400 с. ISBN 5–7859–0203–6

Авторы предлагаемой книги – научные сотрудники Института русского языка РАН в Москве. Областью их научных интересов является история церковнославянского языка и книжности. С 1991 г. они преподают церковнославянский язык в различных учебных заведениях Москвы и публикуют в научных и церковных изданиях материалы, касающиеся истории языка богослужения. Из совместных работ можно здесь упомянуть, например, изданный ими учебник „*Церковнославянский язык*“ (Москва, 1996).

Настоящая монография представляет собой первый опыт создания истории церковнославянского языка нового времени. История изменений в церковнославянском языке рассмотрена в ней как результат языковой политики и соотнесение с событиями церковной и гражданской истории. В XIX – начале XX в. интерес к церковнославянскому языку проявляется лишь в связи с практической работой над богослужебными книгами. Вплоть до 1917 г. подавляющее большинство населения России в той или иной степени владело церковнославянским языком. Этот язык звучал во время богослужения, на нем заучивались молитвы, в ряде случаев с него начиналось изучение письменного языка.

В „Введении“ рецензируемой монографии (с. 13–24) авторы полагают, что практически нет работ, посвященных проблематике истории церковнославянского языка XIX – XX вв., и стараются объяснить причины такого состояния. Далее напоминают, что современный русский литературный язык сильно влияет на вновь создаваемые церковные богослужебные тексты, язык которых опирается на русское словообразование и синтаксис. Это служит подтверждением той мысли, что факты истории церковнославянского языка нового времени тесно связаны с историей современного русского литературного языка. Литургический, как и любой нормативный язык, изменяется в результате сознательной деятельности кодификаторов и справщиков. Поэтому историю литургического языка можно рассматривать как историю институтов, контролирующих издание богослужебных книг. На основании этих фактов авторы попытались создать следующую периодизацию истории церковнославянского языка конца XIX – XX в.: 1/ синодальная эпоха (вторая половина XVIII в. – до 1918 г., период централизации с контролем над изданием богослужебной литературы); 2/ эпоха открытых гонений на церковь (1918 – 1943 гг., период децентрализации, проблемы языка и книжности оставались на периферии церковного сознания, невозможность издавать церковную литературу вело к размазыванию цслав. языковой нормы, предметом дискуссии были проблемы литургического языка); 3/ эпоха Издательского отдела Московской патриархии (1943 – 1987 гг., наступление нового периода централизации, в скромных размерах издавалась богослужебная литература); 4/ постсоветский период (после 1987 г., очередной период децентрализации, возникновение значительного числа церковных издательств, приведшее к некоторому размыванию нормы церковнославянского языка; возобновляются споры о возможности богослужения на русском языке).

В первой главе („Церковнославянский язык в культурно-языковой ситуации XIX – начала XX века“, с. 25–41) рассматривается степень распространения церковнославянского языка на рубеже веков. Сфера употребления возникшего в XVIII в. нового литературного языка вплоть до 20–х годов XX в. была ограниченной: владение им не выходило за пределы образованной части общества. Вплоть до начала XX в. обучение детей грамоте чаще начиналось с церковнославянского языка, а не с русского. Иными словами, существенная часть населения страны, в первую очередь крестьяне, могли читать церковнославянские тексты, но не владели русским литературным языком. Что касается школьного образования, то в начальной школе курс церковнославянского языка был соотнесен с курсом Закона Божьего. В средних и старших учебных заведениях церковнославянский язык изучался в связи с грамматикой русского литературного языка. Для полного ознакомления с ситуацией авторы приводят

о необходимости исправления богослужебных книг; часть из них выступила за новый перевод греческих текстов на церковнославянский язык, и лишь некоторые считали возможным перевести богослужебные книги на русский язык.

В третьей главе (*„Комиссия по исправлению богослужебных книг /1907–1917 гг./“*, с. 74–124) анализируется работа Комиссии по исправлению славянского текста богослужебных книг. Целью работы этой комиссии было создать единый русский вариант церковнославянского языка для всего корпуса литургических книг. Эта работа предполагала, с одной стороны, упрощение грецизированного синтаксиса, а с другой, была направлена на объединение словарного состава церковнославянского и русского языка. В своем результате исправленный текст оказался более понятным, чем текст стандартный. Однако из-за начавшейся революции и последовавшего за ней прекращения издательской деятельности русской православной церкви работы Комиссии упали в забвение.

Во второй половине XIX в. в печати появился ряд переводов богослужебных текстов на русский язык. Эти переводы не предназначались для богослужебного употребления, а выполняли функцию толкования, помогая понять слав. текст. В четвертой главе (*„Осмысление переводческой практики. Полемика П. П. Мироносицкого и Н. Ч. Заиончковского“*, с. 125–139) описываются переводческие техники Н. Ч. Заиончковского и П. П. Мироносицкого. Оба работали в Комиссии по исправлению богослужебных книг. Все-таки у первого переведенный текст на русский язык дистанцирован от церковнославянского, между тем как переводы второго содержат большое количество церковнославянских элементов. Однако оба не допускали мысли о введении русского языка в богослужение. Перевод на русский язык они считали толкованием непонятого текста.

В пятой главе (*„Молитвы почитаемых русских подвижников“*, с. 140–154) обращается внимание на другой источник информации о языковой норме данной эпохи – на вновь составленные богослужебные тексты. Их можно разделить на предназначенные для общественного богослужения и для келейного употребления. Келейные молитвы не подлежали духовной цензуре; они составлялись для собственного употребления. В языковом отношении тексты молитв восходят к двум стандартным языкам: русскому литературному и церковнославянскому; некоторые напоминают гибридные слав. тексты. На лексическом и синтаксическом уровнях они не противоречат законам ни церковнославянского, ни русского литературного языка. Их грамматическая форма варьирует от строгой, ориентированной на стандартные богослужебные книги, до соответствующей русскому литературному языку.

Существенным компонентом истории языка являются нормативные документы тех учреждений, которые занимаются контролем за изданием богослужебных книг. До 1917 г. таким органом был синод. После избрания патриарха и роспуска синода высшим органом церковной власти стал Поместный Собор Русской Православной церкви, работавший с августа 1917 г. по сентябрь 1918 г. Поместный собор был прямым наследником церковных дискуссий начала XX в. В шестой главе (*„Высшая церковная власть и церковнославянская книжность: Поместный Собор 1917–1918 гг. и послесоборный период“*, с. 155–179) можно познакомиться с работой этого Собора. Вопросами языка богослужения и пересмотра отдельных богослужебных текстов занимался Отдел о богослужении, проповедничестве и храме. Вопросы богослужебного языка обсуждал особый подотдел. На заседаниях был принят проект соборного деяния, согласно которому за церковнославянским языком сохранился статус основного богослужебного языка, однако с разрешением церковной власти допускалось совершение богослужения на русском и украинском языках. Однако подготовленные Отделом проекты не были опубликованы. Вследствие внешних событий были в 1918 г. прекращены работы Собора. Вплоть до 90-х годов сведения о его работе ограничивались

мемуарами членов Собора и газетными репортажами. Органами Высшего церковного управления стали патриарх, синод и Высший церковный совет. Возможности публиковать новые тексты к богослужебному употреблению у церкви были весьма ограничены. Вопрос о языке богослужения оставался по-прежнему предметом церковной дискуссии. Высшая церковная власть в это время жестко выступала против богослужебных новшеств, вводимых самостоятельно, без благословения священноначалия.

Несмотря на усиливающиеся гонения на церковь, начало 20-х годов обозначается как время интеллектуальной свободы. Ситуация меняется с наступлением обновленческого движения. Вопрос литургического языка начинает восприниматься как опознавательный знак определенной церковной группировки. Этому вопросу посвящена седьмая глава („*Обновленческая смута*“, с. 180–223). Авторы здесь подчеркивают, что обновленчество было, по источникам, в первую очередь, политическим, а не реформаторским течением. Истоки обновленческого движения они ищут в т. наз. церковном большевизме. В 1918 г. так назывались выступления клириков, поддерживаемых новой властью, против священноначалия под революционными лозунгами и обращение их к настроенной против церкви гражданской власти. Предлагались также способы создания новой революционной церкви. В движении участвовали не только клирики, но и отдельные архиереи. 18 мая 1922 г. было образовано обновленческое Высшее церковное управление. Таким способом произошел раскол в русской православной церкви. Постепенно формировался своеобразный перечень признаков, по которым можно было отличать обновленца от „необновленца“. На самом деле эти нововведения очень редко реализовались на практике. В настоящее время считается доказанным, что органы обновленческого церковного управления не вводили богослужения на русском языке и не проводили общеобязательных литургических реформ. Литургические эксперименты оставались делом отдельных обновленческих группировок.

Изменения государственной политики СССР по отношению к русской православной церкви являются содержанием восьмой главы („*Эпоха Издательского отдела Московской патриархии*“, с. 224–274). Поворотной датой оказалось 4 сентября 1943 г., когда произошла встреча Сталина с митрополитами. Если раньше власть, стремясь ослабить церковь, поощряла существование борющихся церковных группировок, то теперь выбор был сделан в пользу Московской патриархии. Был создан Издательский отдел Московской патриархии, который оказался единственным на территории СССР издательством, имеющим право выпускать богослужебную литературу; с языковой точки зрения это несомненно явилось мощным унифицирующим фактором. Новая культурно-языковая ситуация ставила перед

ситуации России нового времени, показана преемственность современных дискуссий о языке богослужения по отношению к языковой полемике предшествующих эпох. В научное исследование введено значительное количество прежде не известных источников. Многие из них опубликованы в приложении. Книгу с интересом прочтут все, кто занимается историей церковнославянского и русского литературного языка, историей русской православной церкви и литургией.

Алеш Бранднер

Josef Miloslav Kořínek – Adolf Erhart: *Úvod do fonologie*. Praha, Academia 2000. (ISBN 80–200–0230–8)

Jak by napsal poučený publicista, v posledním roce minulého století vyšla v nakladatelství Academia kniha s názvem *Úvod do fonologie*. Ač to už jsou tři roky, zdá se, že tento publikační počín neupoutal pozornost jazykovědných recenzentů, písčících zhusta o věcech méně významných (jen na Slovensku se předloni v 2. sešitě 52. ročníku Jazykovědného časopisu objevila recenzní zpráva od Jána Horeckého). Přesto nebo spíš právě proto zde chceme uvedenou knihu velmi doporučit k četbě, neboť je to podle nás kniha pozoruhodná, a to nejen svým obsahem, nýbrž i svými osudy. Má dva autory a sestává také ze dvou vzájemně prostoupených, nicméně dobou svého vzniku různých částí. Její základ totiž tvoří český překlad větší části knihy Josefa Miloslava Koříňka *Úvod do jazykospytu*, která vyšla roku 1948 v Bratislavě. J. M. Kořínek (1899 – 1945) byl profesorem jazykovědy na bratislavské Univerzitě Komenského. Byl členem Pražského lingvistického kroužku, reprezentujícího v Československu strukturální jazykovědu, a také sám z větší části pracoval strukturální metodou (viz jeho bibliografii v *Recueil linguistique de Bratislava* 1, 1948, s. 13–19; nověji napsal v *Naší řeči* 83, 2000, s. 43–44 J. Horecký Koříňkův vzpomínkový životopis). Kniha *Úvod do jazykospytu* byla zamýšlena jako vysokoškolská učebnice. Zůstala však bohužel torzem: v rukopise autor zanechal pouze úvodní část, dále část uvádějící do synchronní a do historické fonologie a začátek části zabývající se prehistorií a historií indoevropských jazyků. V úvodní části se zajímavě řeší otázka, co je to vlastně jazyk, a rovněž otázka poměru mezi jazykovým systémem a jeho uplatněním (de Saussurova *langue a parole*). Co se týče představy o tom, co je to jazyk, myslíme, že je důležité poznamenat, že u Koříňka nacházíme vedle sebe shrnuty dva základní rysy, jimiž se vyznačuje pražská koncepce jazykovědného strukturalismu a které ji zároveň odlišují od koncepcí jiných, zejména kodaňské. Tyto dva rysy spočívají v tom, že pražská škola zkoumá jazykovou formu v *substanci*, tj. v jejím průniku se světem kolem jazyka, a v *účelu*, tj. dívá se na jazyk z hlediska jeho funkce, kterou je komunikace. Kořínek to vyjadřuje tak, že jazyk se realizuje fónicky a představuje kulturní jev. V části fonologické Kořínek vlastně volně, leč přesně a konzistentně a v detailech i originálně tlumočí koncepci dvou prací dvou z nejvýznamnějších členů PLKu: ve výkladu fonologické teorie prostředkuje *Grundzüge der Phonologie* N. S. Trubeckého (vyšly roku 1939 v Praze jako 7. svazek *Travaux du Cercle linguistique de Prague* a potom ještě šestkrát reprintem) a ve výkladu o historické fonologii pak *Prinzipien der historischen Phonologie* R. Jakobsona (vyšly roku 1931 v Praze ve 4. svazku *Travaux du Cercle linguistique de Prague* a potom francouzsky s autorovými doplněními nejdříve jako dodatek k francouzskému překladu Trubeckého *Základů* v roce 1949 a pak v prvním svazku Jakobsonových *Selected Writings* v roce 1962, v druhém vydání v roce 1971 a ve třetím pak loni; doplňky a změny z francouzského překladu byly přejaty i do druhého německého vydání v čítance *Sprach-*